

Шатер был невелик, и когда поток людей хлынул со всех сторон, сидячих мест тут же не хватило. Тем, кто пришёл позже, ничего не оставалось, как есть прямо на улице, держа чашки в руках. Цинь Хэ находился снаружи, приветливо встречал гостей и, пользуясь каждой возможностью, невзначай предлагал стоящие на прилавке молочные таблетки и прочие угощения. В Праздник Фонарей многие охотно тратили несколько вэней, чтобы попробовать диковинные лакомства, на которые в обычные дни жалко было бы тратить.

— Мама, я хочу вон то, фуюаньцзы, — протянул мальчик лет семи-восьми, дёргая мать за рукав и с вожделением глядя на прохожих, которые, зажав чашки, уплетали фуюаньцзы. — Оно сладкое, я запах чувствую.

Женщина, к которой он обратился, обернулась и, как оказалось, это была Чжао Ли-ши, старшая сестра Ли Чанфу, уже вышедшая замуж. Когда-то, вскоре после свадьбы Цинь Хэ, Куй У, жалея своего новоиспечённого фулана, купил ему хлопок и ткань, чтобы сшить тёплую одежду. Это случайно увидела Чжао Ли-ши и тут же принялась подстрекать семью Цинь устроить скандал, надеясь выудить выгоду для себя. Увы, ничего у них не вышло: ни она сама, ни её родня так и не получили ни малейшей пользы, а репутация её младшего брата едва не пострадала. С тех пор Чжао Ли-ши затаила злобу на Цинь Хэ и с того дня глубоко его возненавидела.

И точно, Чжао Ли-ши подняла голову и заметила в толпе суетящегося, занятого до крайности Цинь Хэ, и в тот же миг её взгляд вспыхнул злобной ненавистью. Следом она отметила, что среди собравшихся нет и следа Куй У, только Цинь Хэ один всё на себе тянет.

Ха! — с холодным смешком скривилась Чжао Ли-ши. Всё так, как она и думала: Куй У с его буйным, жестоким нравом, лицом, полным злой энергии, ну разве мог он на самом деле быть хорошим к своему супругу? Разве мог по-настоящему заботиться? Вот ведь - раньше будто тенью за ним ходил, оберегал, как наседка цыплёнка. А как только свадебная горячка схлынула, вот тебе и правда - не только перестал водиться с ним, но и вовсе выгнал торговать, чтобы за него деньги зарабатывал.

Да кто ж не знает, как в такую стужу мёрзнут те, кто стоит на улице за прилавком? А Куй У, конечно, сам теперь где-то в тепле сидит, развалился да ещё и живёт за счёт того, кого выгнал на мороз.

Так ему и надо!

Чжао Ли-ши смачно сплюнула себе под ноги и почувствовала, как тяжёлый груз, давивший на сердце всё это время, вдруг отпустил. Ей стало так легко, будто в Новый год ей достался большой кусок жирного мяса.

В этот момент полог у входа в лавку приподнялся, и сначала вышла женщина с чашкой фуюаньцзы, а вскоре следом за ней показался мужчина, тоже держащий угощение. Оба были незнакомы, лица не из местных. Особенно выделялся тот, кто вышел позже: облачённый в длинную мантию, с благородной осанкой, по виду сразу было понятно - человек учёный,

книжный. Видно было, что все эти диковинные вещи - его выдумка, и лавка, должно быть, тоже его.

«Вот и правильно, — подумала Чжао Ли-ши, — такие штуки может придумать только учёный человек. Уж мой брат, коли сдаст экзамен, обязательно тоже потянет за собой всю семью, и заживём, и торговать начнём, как эта семья!»

Она и прежде была уверена: Цинь Хэ - всего лишь обыкновенный, ничем не примечательный шуаньэр, рождённый в бедной семье. Уж если он может варить конфеты - это и есть его потолок, почти чудо. Разве мог он сам всё это придумать, да ещё и сделать? Конечно нет, всё тут чужими руками поставлено, а он так, на побегушках, прислуга.

Чжао Ли-ши была неграмотна, а потому вовсе не понимала, что написано на дощечке перед навесом: «Лавка семьи Куй». О том, что сахарные розы стали в столице настоящим хитом, она тоже не знала. В семье её мужа, где день и ночь думают лишь о том, как бы сэкономить да свести концы с концами, вряд ли могли интересоваться подобным. К тому же дома их с семьёй Куй разделяло немалое расстояние, и никаких вестей не доходило. О том, что Цинь Хэ умеет делать сладости и продаёт их, она узнала случайно в конце прошлого года, когда выбиралась на рынок за новогодними припасами. Тогда Куй У был рядом с Цинь Хэ, и она не посмела подойти, чтобы затеять ссору.

— Мама, мама, я хочу фуюаньцзы! — снова затянул мальчик, дёргая мать за рукав.

В глазах Чжао Ли-ши вспыхнула злобная искра.

— Пошли, — сказала она мальчику, — Мама сейчас угостит тебя фуюаньцзы. Заодно посмотрим, как он сегодня выкручивается. Тогда он посмел вот так обойтись с моим братом, теперь, глядишь, и расплата пришла. Уверена, сейчас локти кусает, что не вышел замуж за моего брата! Но этого мало... Совсем мало. Я ещё сама ногой на него наступлю, вот тогда будет по-настоящему хорошо.

Мальчик, конечно, её не слушал, он и дальше заворожённо смотрел на людей, которые уплетали горячие, сладкие фуюаньцзы, и лишь по-прежнему тянулся глазами к чашке.

— Эй, молодой человек из семьи Цинь, — Чжао Лиши с мальчиком протиснулась ближе к прилавку и с демонстративной гордостью произнесла: — Дай-ка мне порцию фуюаньцзы.

Цинь Хэ поднял голову, и, увидев Чжао Ли-ши, сначала немного опешил. Но почти сразу взял себя в руки и, не сменив и тени на лице, остался всё с той же мягкой, вежливой улыбкой, обернулся и крикнул внутрь.

В мыслях он уже давно провёл для себя черту: Ли Чанфу - это Ли Чанфу, а его сестра - это отдельный человек. Что бы ни случилось между ним и Чанфу, с его сестрой они никогда не доходили до открытого конфликта. Да и потом, Чжао Ли-ши давно уже вышла замуж, и смысла

устраивать сцену или мстить всем подряд он не видел.

В торговле ведь как принято: пришёл - значит, гость. Пока человек не пришёл со скандалом или с намерением устроить погром, его встречают как клиента. Платит деньги? Что ж, деньги не пахнут, да и разве плохо, если даже недруг вконец разорится, но все свои деньги принесёт именно тебе?

Именно поэтому у Цинь Хэ не было никакой перемены в лице: ни тени раздражения, ни намёка на неприязнь - не прогнал, не нахмурился, не зацепил словом. Такое поведение только ещё сильнее укрепило уверенность Чжао Ли-ши: Ну точно! Всё верно! Этот бизнес точно не принадлежит Куй У! Если бы был его, разве этот шуаньэр не посмел бы спокойно выгонять нежеланных людей? Но нет, где это видано, слуга сам решает, кого обслуживать, а кого нет? Стоило бы выгнать покупателя, и хозяин бы его в два счёта вышвырнул!

— О, брат Цинь, — протянула она с напускной любезностью, — как это ты тут один, в такую-то стужу, сам впахиваешь? А твой Куй-далан где? — но и не думая дожидаться ответа, тут же продолжила: — Ай, ты, конечно, не обижайся, но разве не жалко тебя? Собственный муж тебя не жалеет, в такую жуткую стужу гонит работать, а сам, верно, сидит дома в тепле, ноги на печь закинул, благоденствует.

Говорила она это нарочно громко, с видом хозяйки положения, пристально следя за выражением лица Цинь Хэ - надеялась увидеть, как он вспыхнет, нахмурится, хоть как-то себя выдаст. Но нет: лицо у Цинь Хэ осталось спокойным, ни красноты, ни бледности, ни тени раздражения. Он по-прежнему с улыбкой обслуживал других гостей, словно вовсе не слышал её колких слов.

Чжао Ли-ши от злости чуть не зашипела. Видя, что Цинь Хэ так и не сорвался, она придвинулась ещё ближе, напроочь игнорируя то, что он продолжал обслуживать других гостей, и с ехидцей продолжила:

— Знаешь, у людей ведь судьба разная... А у тебя, видно, такая уж неудачная от природы. Если бы тогда ты как следует подумал и честно согласился стать налогом моего младшего брата, разве пришлось бы теперь так маяться? Страдать, мёрзнуть, пахать, как лошадь... Видишь, человек всё-таки от судьбы не уйдёт!

Но тут в дверях появился Куй У с подносом в руках, на котором стояла только что вынесенная чашка фуюаньцзы. Услышав последние слова Чжао Ли-ши, он словно взорвался. Глаза его округлились, брови взметнулись, а волосы будто встали дыбом от ярости. Выглядел он так, будто в следующую секунду швырнёт поднос и просто раскроит кому-то голову.

— Старая змея! Ты это что сейчас сказала?! — рявкнул он, и голос его, словно удар грома, сотряс воздух, заставив всех вокруг вздрогнуть. В два шага он оказался прямо перед Чжао Ли-ши и, сверкая глазами, добавил: — Ты подговаривала чужого супруга к прелюбодеянию! Знаешь, сколько за это дают? Как минимум двадцать палок! Хочешь, сейчас же поведу тебя в ямен к чиновнику! Пусть сам решит, сколько тебе положено!

Что?! — сердце Чжао Ли-ши ухнуло в пятки. Он... он здесь?! Куй У здесь?!

Разве он не должен быть дома, в тепле, прохладиться, как она только что с уверенностью распиналась? А Цинь Хэ ведь ничего и не возразил, стоял себе, как будто стыдливо молчал, значит, всё же признал? Так... почему этот человек, которого она уже мысленно обвинила, сейчас стоит прямо перед ней, пышет яростью и собирается тащить её в ямен?!

У Чжао Ли-ши от страха задрожали ноги - ей и в кошмарах не снилось, что Куй У окажется прямо тут, перед ней. Её страх перед ним был почти животным: если бы она знала, что он здесь, ни за что, даже под страхом смерти, не посмела бы подойти, не то что провоцировать.

— Я... я ничего такого... просто сболтнула! — пролепетала она, заикаясь, — Я ведь... ну... это же не всерьёз... Господам в ямене такое даже не интересно!

Она судорожно сжала руку своего сына так, что тот аж поморщился от боли, но она и не заметила, её голова была занята одним: бежать.

— Пойдём, сынок, уходим!

— А мои фуюаньцзы? — мальчик всё ещё тянулся к торговому прилавку, оглядываясь, пока мать тащила его прочь, не обращая внимания ни на его крики, ни на слёзы. Она теперь думала только о том, как бы скорее убраться подальше.

Куй У, глядя ей вслед, нахмурился.

— А это ещё кто такая?

Цинь Хэ удивлённо повернулся к нему:

— Ты что, не помнишь?

— Нет, — отозвался Куй У с полным равнодушием и, как ни в чём не бывало, добавил: — А кто она вообще такая, чтоб я ее помнил?

Цинь Хэ не сдержал лёгкий смешок:

— Ну, да... Это было в самом начале, когда мы только поженились. Помнишь, ты повёл меня поесть суп из бараньих потрошков? Мы тогда вдвоём ели одну чашку на двоих, а она сидела с нами за столом и фыркала, мол, какие мы жалкие, даже кишку одну делим на двоих.

Куй У, похоже, всё равно ничего не вспомнил, но ему это и не было нужно. Он спокойно

уточнил:

— Она вдова?

Уловив недоумение на лице Цинь Хэ, он, как бы мимоходом, добавил с мрачным сарказмом:

— А иначе почему она никогда не ела с мужем из одной посуды? Разве не знает, что это называется романтика?

Цинь Хэ: ...

У его мужа язык как нож, острый до беспощадности.

— Она не вдова! — не выдержал он.

— Точно, — кивнул Куй У с невозмутимым видом. — Не стоит так говорить. Всё-таки у вдов, прежде чем они овдовели, хоть муж был. Хоть целовались, хоть из одной чашки поели когда-то, были у них тёплые воспоминания. А эта - да её и с вдовой не сравнишь. Видно же: муж её так гнушается, что даже доедать за ней не станет. — он покачал головой. — Да уж, жалко того беднягу. Несладкая ему досталась участь.

И тут раздался тонкий голосок:

— Брат, брат...

Обернувшись, они увидели того самого мальчика, которого Чжао Ли-ши только что утащила прочь. Он вернулся один и теперь, подняв глаза, с надеждой смотрел на Цинь Хэ.

— Та чашка фуюаньцзы... за неё моя мать уже заплатила, — робко сказал он. — Я могу её доесть?

— Конечно можно, — мягко ответил Цинь Хэ и передал мальчику чашку с фуюаньцзы.

Тот, сияя, осторожно взял её обеими руками, и, усевшись сбоку, быстро расправился со всей порцией. Закончив, аккуратно вернул посуду и, вытерев рот, вприпрыжку побежал прочь.

Вдали, за углом, его уже поджидала Чжао Ли-ши. Заметив, как сын возвращается один, она сразу нахмурилась:

— Что, он тебе не дал? Я ведь заплатила, неужели не дал поесть?

— Дал, — ответил мальчик, — я всё уже съел.

— Семь было? — насторожилась она. — Я слышала, что в одной порции семь штук. Не обманули? Всё на месте?

— Всё, — кивнул он.

Только после этого Чжао Ли-ши перестала цепляться к этому поводу, но не унялась. В груди по-прежнему бушевала обида, и она ядовито пробормотала себе под нос:

— Это ещё не конец. Думают, что я такая простушка, что меня можно унижать безнаказанно? Посмотрим... Думают, раз вы так со мной, то сможете и с остальными из семьи Цинь обращаться так же? Нет уж! Я обязательно спровоцирую Циней, устрою такое, чтобы у семьи Куй покоя больше не было! Только тогда моя обида будет отмщена, только тогда я успокоюсь!

А у лавки семьи Куй тем временем всё шло своим чередом: поток гостей не убывал вплоть до наступления почти самого комендантского часа, лишь тогда постепенно начал рассеиваться.

Когда наконец началась уборка, за Фэн-шисао пришёл её муж. Зайдя под навес, он ощутил тёплый, уютный воздух, в котором всё ещё витали запахи варёных сладостей. Он взял свою жену за руки - они были тёплые, мягкие от тепла и уюта, царившего здесь. В этот миг у него защипало в носу, и он едва не расплакался.

Он с трудом сдержал подступившие слёзы, потом отвёл Куй У в сторону и тихо сказал:

— Куй-далан, у тебя тут случайно нет работы? Я хотел бы, чтобы моя жена приходила помогать. Только кормите ее и дайте место, где переночевать, а зарплата ей пускай будет всего треть от обычной.

Куй У тут же покачал головой:

— Кормить можно. Жить - нет.

Одна только Куй Сяохуа в доме, и Куй У уже еле сдерживался. Его фулан постоянно ссылался на то, что младшая сестра живёт за стенкой, и отказывался исполнять супружеские обязанности, лишая его законных прав мужа. А теперь ещё и Фэн-шисао сюда поселить? Так он что, и дальше будет как монах в уединении жить? Да ему двадцать с лишним лет - только-только обзавёлся фуланом и теперь в монахи?!

— Платить буду ей не треть, а восемь десятых от обычного. Две десятых вычту за еду, — продолжил он. — Я угощаю три раза в день, мясо в каждый приём пищи. Что ест хозяин, то будет есть и она. Если хочет, пусть даже завтрак дома не готовит, к нам приходит.

Обычно в лавках и мастерских не кормили вовсе. В редких случаях, где всё же кормили, платили на 20-30 вэней меньше, а еда была похуже, иной раз даже хуже, чем рабочие дома себе позволяли. Но в лавке семьи Куй всё было иначе. Тут мясо было каждый день, и Куй У вовсе не считал себя обязанным помогать всем подряд. У него был простой принцип: даже если угощение хорошее, не забывай, что «даром полученное может обернуться враждой». Куй У не собирался держать при себе тех, кто потом обернётся против него.

Куй У согласился принять Фэн-шисао на работу лишь по одной причине - в лавке действительно не хватало рабочих рук. Если бы не это, хоть старший брат Фэн расписывал бы свою жену в стихах, он бы всё равно отказал. В конце концов, Фэн-шисао - жена Фэна, а не его, и с какой стати он должен заботиться о чужом семействе?

К тому же за сегодняшний день он успел внимательно присмотреться: женщина работала быстро, без лишних слов, не болтлива и не суёт нос не в своё дело - в хозяйстве такой человек пригодится.

Хотя в жильё и отказали, старший брат Фэн уже был безмерно благодарен. Его собственный дом был в таком состоянии, что и на жильё не тянул, даже навес у семьи Куй зимой казался куда теплее. Слова Куй У, сказанные тогда, прозвучали для него как звонкая пощёчина и одновременно как пробуждение. Вдруг многое стало ясно. Всё, что он делал раньше, он делал не из заботы о жене, как ему казалось, а наоборот, только унижал её, втоптал в грязь. Как сказал Куй У: всё, что он тем самым доказывал - это то, что он никчёмный мужчина, не способный даже прокормить собственную жену.

— Ещё одно, — сказал Куй У. — У нас работа до самого вечера, а потом ещё и дел невпроворот. Мы никого домой не провожаем. Хочешь, сам приходи и забирай, не хочешь, пусть сама возвращается. Но если по дороге что-то случится, ответственности мы не несём. Тут все и так валяются с ног, я чужую жену до дома вести не собираюсь.

— Я понял, — кивнул старший брат Фэн.

Когда они с женой вышли из-под навеса семьи Куй, он не выпустил её руки, держал крепко, словно боялся отпустить. Это простое тепло в ладонях, эта давно не виданная на лице супруги улыбка... Он и сам не знал, что у него на сердце. Только ясно было одно: чувство это было горькое. Очень горькое.

— Муж, сегодня я помогала в лавке у семьи Куй, — с улыбкой сказала Фэн-шисао, — Куй-фулан дал мне пару куриных крылышек. Я всё время держала их у себя за пазухой, они ещё тёплые. Съешь их сейчас, а то пока дойдём до дома, совсем остынут.

Она с радостью достала из-за пазухи свёрток в промасленной бумаге, а её муж, увидев это, больше не смог сдержаться, слёзы сами потекли по щекам. Фэн-шисао испуганно уставилась на него, совершенно не понимая, что случилось, что она сказала не так.

Старший брат Фэн вытер лицо рукой, заставил себя улыбнуться и сказал:

— Давай вместе поедим.

Хоть он так сказал, но сам в итоге почти не ел. Сделал пару видимых глотков только чтобы попробовать, а остальное под разными предлогами отдал жене. То говорил, что сыт, то - что ей нужнее, и так далее.

Незаметно они уже дошли до дома плотника Фэна.

Фэн-шисао оглянулась и спросила:

— Мы сегодня не идём домой? Переночуем у твоего шиди*?

(ПП: шиди - младший брат-соученик)

Старший брат Фэн вдруг остановился, уставился на свою жену, и в его взгляде отразилось столько всего - вина, решимость, боль, смущение.

— Жена, — тихо сказал он. — С этого дня ты будешь жить у шиди.

Фэн-шисао испугалась не на шутку. Она вцепилась в одежду мужа, и в ту же секунду её глаза налились слезами:

— Муж, ты... ты что, больше не хочешь быть со мной?

Старший брат Фэн тоже больше не мог сдерживаться, он с силой прижал её к себе и заговорил хриплым голосом:

— Как я могу не хотеть быть с тобой? Даже эту жизнь я бы отдал без колебаний, только не тебя. Если бы я был настоящим мужчиной, я бы развёлся с тобой, дал бы тебе свободу. С кем бы ты ни была, тебе было бы лучше, чем со мной. Но я не могу... Я как только подумаю, что ты станешь женой другого... мне жить не хочется. Жена, я трусливый, эгоистичный, беспомощный мужик... Я не достоин тебя!

— Нет! Это неправда, не говори так! — всхлипывая, прошептала Фэн-шисао.

Старший брат Фэн гладил её по волосам, с трудом подавляя дрожь в голосе:

— Живи пока у шиди, днём ходи работать в лавку к Куй-далану. Да, будет тяжело, устанешь, но поешь как следует, не замёрзнешь... Это куда лучше, чем страдать со мной в холодном доме, где ни тепла, ни еды.

— Муж, я не хочу жить отдельно! — воскликнула она, всхлипнув.

— Это не «отдельно», — покачал он головой. — Я никогда не смогу так просто отказаться от тебя. Если бы мог, давно бы уже не тащил тебя за собой в эту яму. Но... нужно просто немного подождать. Придёт весна, потеплеет, и я снова смогу носить мешки, подработать. Ты тоже к тому времени подкопишь что-то в лавке Куй-далана, и мы тогда снимем комнату в городе. Вдвоём. Я обязательно тебя заберу.

Он крепко обнял её и с нежной серьёзностью продолжил:

— Сейчас наш дом - это не дом. Там жить нельзя. А ты женщина, у вас тело не такое, как у нас, толстокожих мужиков. Если надорвёшься сейчас, потом всю жизнь болеть будешь. Слушайся меня, ладно?

Старший брат Фэн напоследок строго напомнил:

— Я пообещал шиди тридцать вэней за приют. Когда получишь первую плату, не забудь отдать ему.

Фэн-шисао всё ещё плакала, когда муж провожал её в дом плотника Фэна. Она смотрела сквозь слёзы, как за ней захлопывается дверь. С той стороны теперь был её ночлег, её тепло, её еда. А с этой - он. Лишь одна дверь между ними, но по ощущениям будто пропасть: внутри был покой, а снаружи - холод и пустота.

Старший брат Фэн опустился на корточки у порога и вдруг разрыдался навзрыд, больше не в силах сдерживать ни голос, ни слёзы.

— Далан, за сегодня мы в чистом плюсе на три гуаня и семьсот вэней! — радостно сообщал Цинь Хэ, вместе с младшей сестрой Куй дважды пересчитав выручку, чтобы убедиться, что не ошиблись.

Куй Сяохуа сияла:

— Невестка, я-то всё думала: ну где ж это видано, чтобы торговля ещё и в убыток шла? А ты, оказывается, мелкими угощениями заманиваешь, чтобы потом выиграть крупно! Вон как всё вывернул - не просто прибыль, а прямо золотой дождь!

— Это всё приёмы торговли, — усмехнулся Цинь Хэ. — Учись внимательно. Вдруг потом и сама откроешь своё дело - всё пригодится.

Куй Сяохуа с важностью кивнула, запоминая.

— Брат, — сказала она, — завтра с шуйцзяньбао и фуюаньцзы можно сильно не разгоняться, сегодня мама с Фэн-шисао налепили так много, что ещё и осталось.

— Хорошо, — кивнул Куй У. — Тогда делаем поменьше, а я пока займусь молочными таблетками и прочим.

В доме семьи Куй

Стоило матери Куй переступить порог, как её тут же окружили дети и невестки, да так плотно, что отец Куй, оставшийся снаружи, и войти-то не смог. Вторая невестка, Цинь-ши, прижимая к груди ребёнка, с нетерпением подалась вперёд и сразу же зашебетала:

— Мама, как у старшего брата с делами? Сколько он за вечер зарабатывает? Я сегодня с эрланом проходила мимо их лавки, там прямо столпотворение! Все ели какое-то угощение, говорят, называется фуюаньцзы. Сладкое-сладкое, говорят.

Договорив до этого места, Цинь-ши даже немного надулась:

— Вы ведь сказали мне и третьей невестке с детьми не ходить туда, вот мы и не осмелились подойти.

Второй сын Куй тоже вставил своё слово:

— А я слышал, там если тебе попадётся фуюаньцзы с розовой начинкой, то тебе ещё и кучу угощений в придачу дадут. Это что, по-твоему, не глупость? Торгуют, а ещё и доплачивают - совсем с ума сошёл. Было бы лучше, если бы всё это домой принёс, тебе бы, мама, отдал.

Мать Куй приподняла веки и холодно взглянула на сына - взгляд, от которого у Куй-эрлана сразу по спине мурашки побежали. Она своих сыновей знала как облупленных. И потому голос её, спокойный и резкий, прозвучал как пощёчина:

— Да что ты вообще понимаешь! — отрезала она. — Если бы ты хоть на половину был таким, как твой старший брат, не сидел бы сейчас, уцепившись за обглоданные кости, которые он тебе кидает, и не считал бы их за деликатес! А теперь ещё и пришёл меня подбивать? Слушайте оба! Если ещё хоть раз услышу подобное, сразу скажу вашему старшему брату, чтоб прекратил давать вам собирать молоко! А после этого я вас самих выгоню из дома! Посмотрим потом, как вы заживёте!

Куй-эрлан смолк, втянув голову в плечи, а через долгую паузу, не в силах проглотить унижение, пробурчал:

— Мама, ну зачем ты так злобно говоришь...

Мать Куй даже бровью не повела:

— Это правда. Если тебе противно - так отлипни от старшего брата, перестань за его спиной зарабатывать. Тогда я хоть уважать тебя начну, скажу, ты хоть и дурак, но мужик.

Теперь Куй-эрлан окончательно притих. Цинь-ши тоже умолкла, не смея больше встревать.

А вот третья невестка, Лю-ши, всё это время спокойно качала ребёнка, опустив глаза, будто ничего не слышала. Но в её взгляде, когда она украдкой посмотрела на Цинь-ши и Куй-второго, ясно промелькнула насмешка.

Поздно вечером, уже в постели, Лю-ши обратилась к мужу:

— Саньлан, что бы там ни говорили твои второй брат с женой, ты в это не лезь. У них в головах ветер, только с ними свяжешься - сразу в яму свалишься. Я вот одного не понимаю: чего они всё никак не угомонятся, всё глядят на старшего брата? Разве они не знают, какой у него характер? Его в жизни не обыграешь. Даже если не он, посмотри на младшую сестру.

— Она ведь вообще не вмешивается, — продолжала Лю-ши. — Что бы старший брат ни сказал - делает молча. Ни про убыток, ни про выгоду не спрашивает. И что в итоге? Из всех братьев и невесток только она одна с ним действительно близка. День за днём вместе, рука об руку, тут хочешь не хочешь, а привязанность появится. А потом посмотришь - как у старшего брата деньги заведутся, так он и не даст младшей сестре в нужде пропасть. Вот увидишь, когда дело дойдёт до приданого, больше всех добавит именно он.

Куй-саньлан, обняв свою мягкую, тёплую жену, не открывая глаз, спокойно сказал:

— Я всё понимаю. Если бы эрлан не был мне родным братом, даже не стал бы связываться с ним и его дурной женой. Мозгов у них не хватает.

А мать Куй, после того как сыновья с невестками разошлись по своим постелям, дождалась, пока в доме воцарится тишина. Затем потихоньку встала и пошла на кухню варить фуюаньцзы, что принесла от старшего сына.

— Старик, давай, ешь. Это фуюаньцзы нам дала наша старшая невестка. Он вообще хотел больше дать, чтобы всей семье хватило. А я отказалась, принесла только для нас с тобой. А то сколько мы съедим? Всё им отдать - они только растут и требуют. Живот у них от угощений растёт, а не благодарность.

Отец Куй не отвечал - просто молча кивал, низко склонившись над чашкой, и ел.

— Вот, возьми куриную ножку. Её тоже старшая невестка дал. Вспомни ту курицу, что днём варили - мы с тобой вдвоём и пары кусков не съели. Столько сыновей вырастили, а одна невестка, которую старший сын взял в дом, оказался заботливее всех.

А в доме Лю, Лю Шу достал из-за пазухи ещё тёплые куриные крылышки и бережно поднёс к матери:

— Мама, это мне сегодня на подработке дал хозяин. Ты поешь.

Но мать Лю покачала головой:

— Ты учишься, мозги напрягаешь, тебе нужнее. Ешь сам.

Лю Шу с улыбкой сказал:

— Я уже поел, правда. Сегодня же Праздник Фонарей, хозяева были щедры: для всех, кто помогал, вынесли тушёную курицу. Я наелся досыта, а это специально тебе принёс.

Мать Лю не смогла спорить с сыном и, вздохнув, приняла еду. Зубы у неё уже слабые, куриное крылышко ей было трудно разжевать. Но мясо в их доме бывало так редко, что отказаться от него она просто не могла - принялась жевать, как могла, то разминая, то глотая почти целиком.

Лю Шу, наблюдая за этим, чувствовал, как у него самого во рту сводит от слюны. Даже на Новый год в их доме не было мясного. Голод - это не воля, его не скрыть, это естественная реакция тела. Чтобы мать не заметила, как у него заблестели глаза от сдерживаемой жажды еды, он поспешно нашёл предлог и вышел.

А мать Лю смотрела ему вслед и внезапно разрыдалась - тихо, без звука, но слёзы катились одна за другой.

Академия Ханьлинь.

Несколько редакторов Академии, пользуясь перерывом, сидели вместе, беседовали и пили чай. Но один из них к чаю не притронулся - вместо этого он снял флягу, налил в неё кипятка из чайника и принялся тщательно встряхивать. Внутри был принесённый из дома молочный порошок: он так взболтал, что порошок быстро растворился. Перелив себе в чашу, он стал пить прямо при всех, не скрывая удовольствия.

Один из присутствующих сказал:

— Это ты, случайно, из тех запасов, что ещё раньше у Чжао Юаня попросил?

Тот кивнул:

— Да, именно так.

Тогда другой вздохнул с завистью:

— Это ты по-умному заранее припрятал. Я вот, как только принёс домой - хотел угостить отца. А он всё себе загрёб. Ни капли мне не оставил! Вчера специально пошёл к нему, попросил немного, так он сказал, что всё уже выпил! Но я-то своими глазами видел на подносе пустую чашку, а в ней следы молока!

Остальные тоже смотрели на него с вожделением, в голосе была то ли шутка, то ли настоящая тоска:

— Говорят, сейчас цена взлетела - один шэнь стоит чуть ли не лян серебра! А купить-то нигде и нельзя.

— Завтра, как Чжао Юань вернётся с выходного, надо его расспросить. Может, его тот самый соученик сможет достать ещё. Мы ж заплатим.

— Точно. Мы все скинемся, уверен, многие коллеги захотят купить.

Отдел императорской гвардии.

— Чэн Дафу, да ты что, до сих пор молоко пьёшь? Тебе сколько лет уже, а ты всё от груди не отвык! — Юй Ютянь громко рассмеялся, насмешливо подтрунивая над своим сослуживцем. Они оба служили в императорской гвардии, давно уже вместе тренировались, дрались плечом к плечу, и шутки между ними летали запросто, без церемоний.

Сегодня на тренировке, как только выдалась короткая передышка, Чэн Дафу достал свою фляжку и сделал пару глотков. Юй Ютянь подошёл ближе и тут же уловил густой молочный аромат.

— Ух ты, — фыркнул он, — от тебя прямо парным молочком несёт!

<http://bllate.org/book/13598/1205852>